

Даже удивительно хороший кофе из офицерского автомата "Принца Сунджаты" начал казаться Захарии МакБрайду кислотой, когда он сидел с двумя своими коллегами-учеными, наблюдая за изображением на умной стене. Присутствие стража-палача Гаула было невозможно игнорировать, но Захария не беспокоился о том, что может случиться с "Принцем Сунджатой". Для него было очевидно, что Гейл Вайс, должно быть, так же хорошо справлялась со своей работой, как и он, потому что все, что она предсказывала о Бандите-1, сбылось... в конце концов, пока.

Но если это была хорошая новость для "Принца Сунджаты", это было очень, очень плохой новостью для "Луиджи Пиранделло", и глаза его были печальными, когда он смотрел на панель.

Штурмовые челноки и фрегаты Факела стартовали семьдесят семь минут назад. В течение полутора часов он наблюдал, как Бандит-1 настойчиво преследует второй невольничий корабль. В течение девятнадцати минут дистанция оставалась неизменной, но затем ускорение фрегата сравнялось со скоростью "Луиджи Пиранделло". За прошедшие пятьдесят восемь минут расстояние между преследователем и преследуемым сократилось почти на двадцать восемь миллионов километров. Скорость "Принца Сунджаты" все еще была выше, чем у Бандита-1, и расстояние между ней и кораблем Факела все еще увеличивалось, хотя и медленнее, но это был только вопрос времени - и не такого уж длительного, - когда отчаянная гонка "Луиджи Пиранделло" закончится.

Он не осознавал, насколько мрачным было его собственное выражение лица. До тех пор, пока рука Вайс не легла на побелевший кулак, сжимавший чашку с кофе. Он повернул к ней голову, и она грустно улыбнулась.

* * *

"У нас входящий сигнал, Сэр," - сказал резко Юрген Акер, офицер связи Ролдао Брандта.

Капитан Брандт вздохнул, снял фуражку и провел пальцами по волосам, потом остановился, глядя на руку. Он поморщился и опустил ее на консоль, затем откинулся на спинку командирского кресла и скрестил ноги.

"Соединяйте," - сказал он покорно.

"...лейтенант-коммандер Танни Баяно, командующий кораблем Космического Флота Королевства Факел "Денмарк Весей", - услышал он. - "При нынешних темпах ускорения вы окажетесь в зоне действия моих ракет через четыре целых семь десятых минуты. Если вы не согласитесь сдать в течение следующих пяти минут, я открою огонь. Это первое и единственное предупреждение. Баяно, конец связи."

При расстоянии до десяти миллионов километров задержка передачи составляла чуть больше тридцати секунд, так что у Брандта было время обдумать ответ. Однако времени оставалось немного, и он повернул голову, чтобы посмотреть на Хинкли.

"Ну?"

"Нам крышка," - фыркнула Хинкли. "Но по крайней мере он дает нам шанс сдать."

"Конечно, дает. Он хочет, чтобы груз доставили в целости и сохранности. Хотя это не

обязательно означает, что у него есть какие-то теплые и пушистые чувства к нам."

Мгновение они смотрели друг на друга, потом Брандт пожал плечами и посмотрел на офицера связи.

"Соедините меня с ними."

"Да, Сэр!" Офицер связи даже не пытался скрыть своего облегчения, набирая команды на консоли. "Связь есть, Сэр," - сказал он, и Брандт глубоко вздохнул.

"Это невольничий корабль," - сказал он так спокойно, как только мог, - "и это не неслыханно для Мантикорских, Хевенитских и Беовульфских военных кораблей вышвыривать в космос экипажи захваченных работорговцев. Я могу предположить, что ваш Королевский Флот Факела будет следовать той же политике. Так что я не вижу, где принятие вашего предложения и капитуляция принесут мне или моей команде большую пользу."

Ответ пришел почти ровно через минуту, как будто его коллега ожидал вопроса/протеста, и его ответ был готов заранее.

"Во-первых, в политике флотов, которые вы только что перечислили, правило автоматически выкидывать в космос захваченных работорговцев работает только в том случае, если эти работорговцы убили нескольких или всех рабов на борту. Конечно, такое иногда случается, но я уверен, что если вы сдадите свой корабль, то не будете настолько глупы, чтобы сначала убить рабов на борту. Во-вторых, мы не Мантикорцы, Хевениты или Беовульфцы. Факел объявил войну Мезе, и мы намерены продолжать борьбу до тех пор, пока вы не сдадитесь безоговорочно. Мы намерены не просто наказать тех, кто замешан в преступном предприятии генетического рабства, но и полностью уничтожить этот институт. Мы будем продолжать борьбу до тех пор, пока не получим безоговорочную капитуляцию, и мы считаем, что все корабли "Рабсилы" и/или "Джессик Комбайн" являются боевыми. Это означает, что мы не будем чувствовать себя связанными никакими тонкостями закона межзвездного Адмиралтейства, когда дело дойдет до... их задержания. Однако мы будем соблюдать условия Денебских соглашений в отношении вражеских военных лиц.

Таким образом, мы будем рассматривать всех, кто сдастся как военнопленных, и обращаться с ними соответственно. Однако, как вы понимаете, есть одно условие: вы должны быть достаточно умны, чтобы не причинить вреда рабам на борту вашего корабля. Если вы нарушите это условие, вы можете застрелиться прямо сейчас и избавить нас от необходимости выталкивать вас из воздушных шлюзов."

"Вы даете мне слово, Сэр?"

Голос Баяно, до сих пор ровный и бесстрастный, вернулся через сорок секунд, и в нем отчетливо слышался сарказм.

"Я сам бывший раб. Еще несколько месяцев назад, когда я был принят, меня называли Танни Экс. Я нахожу интересным, что теперь вы ставите мое слово на первое место."

"Что я могу сказать?" - Брандт приподнял фуражку и снова надел ее. - "Мы живем в новой галактике."

"Даю слово", - ровно сказал Баяно сорок семь секунд спустя. - "И вам лучше засечь время, потому что у вас осталось ровно пятьдесят две секунды, чтобы сдать."

"Хорошо", - тяжело сказал Брандт. - "Мы сдаемся. Что вы хотите, чтобы мы сделали?"

"Продолжайте ускорение", - приказал Баяно. - "При вашем ускорении наши скорости сравняются примерно через двадцать пять минут. В то же время расстояние составит чуть более двух миллионов километров. Вы разместите всю свою команду на борту своего малого бота и сразу же покинете корабль. Мой катер встретится с вашим судном, и мои люди поднимутся на борт. Каждый член вашего экипажа, оставшийся на борту, будет казнен. Если мы установим, что кто-то из рабов на борту вашего корабля убит, я открою огонь по вашему малому боту, и выживших не останется. Это понятно? Вы хотите что-нибудь сказать мне о положении рабов на борту вашего корабля?"

Брандт кивнул сам себе с пониманием. Учитывая нынешнюю скорость "Луиджи Пиранделло", он не смог бы замедлиться до нуля относительно самой системы, прежде чем пересечь гиперграницу. Очевидно, "Денмарк Весей" не собирался позволить ему ускользнуть в гиперпространство. Однако, продолжая ускоряться до предела, он фактически добавит максимальное ускорение своего собственного корабля к замедлению фрегата, что позволит им сравнять скорости на таком относительно коротком расстоянии.

"Как вы и сказали", - ответил он усталым тоном, - "Я не настолько глуп, чтобы навредить кому-то из них с фрегатом на хвосте. Ваши условия понятны. Мы подчинимся."

"Хорошо. Баяно, конец связи."

Брандт еще мгновение сидел неподвижно, откинувшись на спинку стула, затем выпрямился и повернулся к остальной команде.

"Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать?" - спросил он почти капризно.

"Я не знаю, как наши люди отреагируют на оставление корабля", - сказала Хинкли. Она неуверенно оглядела мостик, ее руки немного дрожали. "Вы знаете, что некоторые из них решат, что для Факела это просто способ увести нас достаточно далеко от груза, чтобы сжечь нас всех в космосе, не рискуя повредить своим друзьям в рабских трюмах, не так ли?"

"Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю", - ответил Брандт.

"Я знаю одно", - мрачно сказал Акер. "Первое, что нам лучше сделать, это заковать Войта и Ингрэм в кандалы."

"Или просто пристрелить", - согласилась Хинкли. - "Боже, мы же не хотим, чтобы кто-то из них разгуливал на свободе, когда об этом узнает вся команда! Все трюмы имеют индивидуальный контроль сброса, и эти двое!.."

Это был признак зарождающейся паники. То, что она сказала, было правдой... но капитан мог заблокировать все трюмы прямо здесь, на командной палубе. Он сделал три шага к своему пульта и начал вводить команды. Через десять секунд все было сделано.

И все же они с Акером были правы. Даже если Войт и Ингрэм больше не смогут причинить никакого вреда рабам, они все равно смогут убивать их по одному, что будет иметь точно такой же результат, когда абордажная группа Факела поднимется на борт и найдет тела. Даже если Баяно намеревался сдержать свое слово и позволить им жить до тех пор, пока они выполняют его условия капитуляции — все его условия капитуляции, — Брандт не сомневался, что он расстреляет все челноки из космоса, если они не выполнят свою часть этих условий.

Он повернулся к двум охранникам, стоявшим у люка командной палубы.

"Сходите за Войтом и Ингрэм. Они должны быть в инженерном. Наденьте на них наручники и тащите в шлюпочный отсек. Если они доставят вам какое-нибудь беспокойство, я даю разрешение - нет, я приказываю вам - применить любую силу, вплоть до летального исхода, чтобы заставить их подчиниться."

Охранники немедленно ушли. Они действительно спешили. Они оба знали Войта и Ингрэм так же хорошо, как и всех остальных членов экипажа. Брандт проводил их взглядом и запоздало заметил у люка третью фигуру. Он совершенно забыл, что этот человек - его звали Арпино - тоже был на мостике. Он пришел туда, как только началась беготня, и, как бы ему ни хотелось, Брандт не мог приказать ему уйти. Начальство капитана недвусмысленно дало понять, что Арпино будет предоставлен любой простор для выполнения своих обязанностей.

Обязанностей, которые ... никогда не уточнялись.

Брандту не нравились эти приказы тогда, не нравились они и сейчас. На самом деле, он уже решил, что если Арпино расстроит его из-за его решения сдаться, то с ним произойдет серьезный несчастный случай.

"Вы сдадите корабль", - сказал Арпино. Это было утверждение, а не вопрос.

"У нас нет выбора."

Брандт приготовился к спору, но Арпино просто повернулся и покинул мостик. Расстегивая на ходу свою куртку.

* * *

Двое охранников нашли Войта и Ингрэм в инженерном отсеке "Луиджи Пиранделло". Никто за пределами командной палубы не был в курсе разговора Брандта с Баяно, но никто не нуждался в разъяснениях, каковы наиболее вероятные варианты у капитана. Войт и Ингрэм оба размахивали руками, "дискутируя" на повышенных тонах с тремя своими коллегами-инженерами.

Охранники, с вытасканными, хотя и не взятыми на изготовку пульсерами, прервали шумный разговор, чтобы сообщить им, что они находятся под арестом. Войт с отвращением вскинул руки и сел на палубу. Ингрэм всего лишь начала кричать на них вместо своих коллег-техников.

Старший охранник, Дженис Вендел, была вынуждена терпеть Ингрэм почти три года. Этого было более чем достаточно, поэтому она подняла пистолет и дважды выстрелила в Ингрэм. Точнее, попыталась. Из-за собственной нервозности, отсутствия опыта в настоящем бою и привычной расслабленности, когда дело доходило до того, чтобы успеть на стрельбище, она все испортила. Первый гиперзвуковой дротик пролетел мимо и срикошетил от переборки Инженерного отсека. Каким-то образом он не поразил никого другого и не нанес ущерб чему-либо критическому. Второе было почти попаданием, и правое ухо Ингрэм разлетелось на куски, превратившись во взрыв крови и почти испарившихся тканей. От удара она отшатнулась назад к переборке, схватившись рукой за изуродованную голову, и продолжая визжать.

Вендел сделала три шага вперед, поднесла ствол пульсера на расстояние пяти сантиметров от головы Ингрэм, и снова выстрелила.

С такого расстояния она едва ли могла промахнуться, и вся верхняя часть черепа инженера

взорвалась красно-серым облаком мозговой ткани и крошечных белых фрагментов кости.

Женщина была мертва еще до того, как упала на палубу.

Вендел повернулась к Войту, который смотрел на нее с открытым ртом. Она направила пульсер к его голове. То, что ее рука дрожала, делало ситуацию еще более ужасающей для него.

"Мне ... на ... тебя ... наплевать", - выдавила она. - "Встань, заведи руки за спину и двигайся к ангару. Или я пристрелю и тебя тоже."

Он вскочил на ноги достаточно быстро, чтобы выиграть золотую медаль в этом соревновании, если оно вообще когда-либо проводилось, и заложил руки за спину, позволив надеть наручники.

* * *

Капитан Богунова оказала пленникам услугу, передав последние новости через комм и офицерский салон. Им не нужно было объяснять, что теперь, когда "Бандит-1" начал тормозить, побег "Принца Сунджаты" был практически осуществлен. Иконки на умной стене уже говорили об этом, но она смогла подтвердить, что Ролдао Брандт согласился сдать свой корабль фрегату.

Захария почувствовал глубокую печаль. Его последний друг во Вселенной, Анастасия Черневская, тоже скоро уйдет.

* * *

Фактически, она была уже мертва. Арпино нашел ее лежащей на койке и уставившейся в потолок. Она взглянула на него, когда он вошел в каюту, а затем снова подняла глаза к потолку. Мгновение спустя она закрыла глаза.

Говорить было не о чем, так что ничего и не было сказано. Когда Гаул закрыл за собой дверь каюты, койка уже пропиталась кровью.

Другого участника Гудини на корабле, Джозефа ван Флита, в каюте не было. Но Арпино понадобилось всего три минуты, чтобы найти его. По самой природе конструкции невольничьего корабля, когда большая часть его пространства была запечатана, и с замками, которые ван Флиту было не открыть без кодов, было просто не так много мест, чтобы спрятаться. Гаул нашел его, обыскивая второй по счету шкаф. Через две секунды его содержимое тоже пропиталось кровью.

Сделав свою работу, Арпино прошел в свою собственную каюту, лег на койку, заложив руки за голову, и уставился вверх. Было нечего делать, только ждать.

* * *

"Ну вот и все", - объявил капитан Брандт. Скорость "Луиджи Пиранделло" в точности соответствовала скорости "Денмарка Весей", и он кивнул своему астрогатору. "Глушите движок, и давайте спустимся в шлюпочный отсек и выясним, намерены ли эти... люди сдержать свое слово или нет."

"Да, Сэр!"

Астрогатор заглушил импеллерный клин невольничьего корабля, скачками понесся с командной палубы по коридору к шлюпочному отсеку. Брандт обменялся с Хинкли прощальным взглядом, а затем оба последовали за ним, уже более спокойно. Даже на борту работорговца существовали традиции и приличия.

Первый из челноков "Луиджи Пиранделло" уже отправился, и бортинженер закрыл люк за капитаном и его помощником, как только они оказались на борту. Второй пилот выглянул из кабины пилотов, и Брандт взмахнул обеими руками в традиционном жесте приказа отстыковаться. Это было все, что требовалось летному экипажу, и шаттл отсоединил шланги и начал дрейфовать из отсека на маневровых двигателях, прежде чем капитан устроился в своем кресле.

Он наблюдал через иллюминатор, как шлюпочный отсек удаляется от него. Затем они вышли, иллюминатор заполнило звездное поле, и он закрыл глаза, ожидая, насколько честным был на самом деле Танни Баяно.

* * *

Лейтенант Маркос Ксиорро наблюдал, как его катер неуклонно приближается к ожидавшему грузовому судну. Согласно намерениям, которые капитан невольничьего корабля озвучил лейтенант-коммандеру Баяно, в трюмах находилось почти пятьсот рабов, и Ксиорро подумал, сообщил ли капитан этим рабам, что их собираются спасти.

Что ж, подумал он. Это не будет иметь значения, так или иначе, еще через несколько минут.

В каком-то смысле он надеялся, что капитан работорговца не сообщил об этом своему грузу. Это самый первый невольничий корабль, захваченный Королевским Флотом Факела, и Ксиорро с нетерпением ждал, что его имя войдет в учебники истории как офицера, возглавлявшего абордажную команду. Конечно, морские пехотинцы будут рядом, чтобы выполнить любую грязную работу, которая могла оказаться необходимой, но это ни на йоту не умаляло славы Флота, и Ксиорро почувствовал, как его губы дрогнули в легкой усмешке над собственным тщеславием, когда он молча репетировал слова, которые выбрал.

"Флот прибыл!" Именно это он и собирался сказать, потому что впервые в галактической истории флот, спасавший людей, принадлежал целой звездной нации бывших рабов. Эти бывшие рабы никогда не забудут свою благодарность всем флотам, которые спасали их и им подобных на протяжении десятилетий и столетий, но дата была особенной. В этот день рабы спасали своих.

* * *

Гаул по имени Арпино никогда не появлялся в списке экипажа "Луиджи Пиранделло", и в спешке эвакуации ни один из экипажей шаттла не понял, что его нет на борту другого. Даже если бы они знали, то, вероятно, не стали бы слишком волноваться, исходя из теории, что все, что случилось с кем-то настолько глупым, чтобы пропустить объявленную посадку, когда Факел нашел его, было тем, что он заслуживал.

Но Арпино не "пропустил" объявление о посадке. Он находился именно там, где и должен был находиться, согласно приказу, призванному обеспечить, чтобы ни одно свидетельство смерти Анастасии Черневской или Джозефа Ван Флита никогда не всплыло на свет. В конце концов, само существование их мертвых тел могло заставить кого-то задаться вопросом, как два выдающихся Мезанских ученых, которые официально погибли в авиакатастрофе, были обнаружены на борту невольничьего корабля с головами, простреленными пульсером. Если уж

на то пошло, он не мог быть уверен, что никто из команды "Луиджи Пиранделло" не слышал имен Черневской или Ван Флита. Так что лучше не оставлять никаких концов, и он потратил полдюжины минут с момента вылета челноков на мостике рабского корабля, вводя код, который никто, кроме капитана и его старшего помощника, не должен был знать.

Теперь он спокойно сидел, глядя на монитор, который показывал внутренность ярко освещенного шлюпочного отсека. Он смотрел, как катер Факела скользит в него умело дозированными импульсами двигателей. Это был сложный маневр, без персонала шлюпочного отсека, готового помочь со стыковочными тросами, но пилот этого катера явно знал, что делает.

Катер остановился, зависнув в четырех-пяти сантиметрах от нужного места, и Селевен Арпино ввел последнюю цифру кода, которую не должен был знать.

* * *

Захария МакБрайд вскочил на ноги, не веря в происходящее. Он чувствовал за спиной Жилова, знал, что Гаул инстинктивно потянулся к пульсеру, но не мог отвести взгляда от экрана, где только что взорвался "Луиджи Пиранделло".

На мгновения, которые казались вечностью, он просто не мог обработать данные. Его мысли метались, как по скользкому льду, не в силах осознать, что только что произошло. Это безумие! Брандт сдал свой корабль - он забрал всех своих людей на борт шаттлов. Зачем, во имя всего святого, он это сделал, если намеревался устроить за собой подрыв заряда?! Он поместил всех своих людей в нечто вроде тира для фрегата Факела, и уничтожение "Денмарком Весей" катера и всего его персонала было гарантировано...

И тут он понял. Это был единственный возможный ответ, и он начал обвиняюще поворачиваться к Жилову, в торжестве рефлекс над рассудком. Последнее, что ему нужно было делать, - это противостоять Жилову. Если Гаул решит, что ярость Захарии угрожает его собственной способности контролировать ситуацию, он не колеблясь убьет ученого на месте. Но прежде чем Захария успел обернуться, он снова застыл, с болью в глазах.

Ролдао Брандт не имел возможности защитить невиновность своих людей. Возможно, не имело бы значения, если бы он сделал это - не с пятью сотнями рабов и двадцатью семью членами Королевского Флота Факела и морскими пехотинцами, погибшими в расцвете ядерного огня.

Два миллиона километров - слишком большая дистанция для энергетического оружия, но багровые значки ракет устремились к беспомощным челнокам. Им потребовалось тридцать три секунды, чтобы достичь цели - тридцать три секунды, в течение которых Захария не мог оторвать взгляда от умной стены. Тридцать три секунды, которые закончились уничтожением всех мужчин и женщин, находившихся на борту "Луиджи Пиранделло".

"Боже мой! Боже мой! О боже! Боже-Боже-Боже!"

"Это Стефка Хуарес", - осознал уголок сознания Захарии, начиная стряхивать оцепенение. Женщина стояла справа от него, прижав кулак ко рту, широко раскрыв глаза от ужаса.

"Они выстрелили!" - выпалила она. - "Они стреляли! А теперь," - она медленно, как в кошмарном сне, повернулась к Жилову, - "теперь они будут стрелять в нас!"

Захария встряхнулся. Это просто смешно! "Принц Сунджата" находился менее чем в двух с половиной минутах от гиперграницы. Они были так близки к побегу - на самом деле, они все

начали расслабляться, зная, что они будут жить в конце концов. Именно это сделало уничтожение "Луиджи Пиранделло" таким шокирующим, таким парализующим.

Но Захария был физиком. Он не был экспертом по оружию, как Гейл Вайс, но он мог решить простые проблемы перехвата, и он давно решил эту. Даже если "Денмарк Весей" действительно установил многодвигательные ракеты, которые, как уверяла Вайс, невозможно установить в корпус фрегата, и даже если эти ракеты способны выдерживать бесконечное ускорение в тысячу g, им все равно потребуется больше часа, чтобы достичь "Принца Сунджаты" на таком расстоянии.

Чем бы она ни занималась, было очевидно, что Хуарес не физик. Или, если так, то ее мозг был полностью заморожен паникой, потому что она опустила руку от рта, чтобы указать дрожащим указательным пальцем на Жилова.

"Ах ты ублюдок!"- прошипела она. - "Чертов ублюдок! Ты убил всех нас! Ты... ты ... "

Слова покинули ее, и она бросилась на Гаула.

То ли гибель "Луиджи Пиранделло" удивила его так же, как и всех остальных, то ли просто безумие Хуарес, но реакция Жилова была медленной. Его пульсер выскочил из кобуры, но прежде чем он успел прицелиться или выстрелить, она была уже рядом. Большинство членов "луковицы" в юности прошли хотя бы элементарную подготовку по боевым искусствам, но Хуарес, очевидно, не получила никакой подготовки, поскольку она целилась в глаза Гаула острыми ногтями. Он поднял левое предплечье как раз вовремя, чтобы заблокировать ее первый, бешеный удар, и ее тело врезалось в него, зажав его правую руку - и пульсер - между ними, в то время как другая ее рука поднялась и ускользнула от его блока.

Жилов взревел от боли, правый глаз его налился кровью. Затем он вскинул колено вверх, ударив ее в живот. Она отскочила от него, судорожно хватая ртом воздух, но так и не смогла восстановить дыхание, которое было так жестоко выбито из нее. Прежде чем она успела выпрямиться, пульсер поднялся. Он взвизгнул, и трехзарядная очередь ударила ее в голову, мгновенно размозжив череп.

Это был один сумасшедший вихрь движения и безумия, насилия и крови, и все же, даже когда он взорвался вокруг Захарии, казалось, что все происходит в замедленной съемке. Он видел, как Хуарес отшатнулась назад, как пульсер поднялся, как взорвалась голова женщины... и понял, что пульсер все еще поднимается, все еще поворачивается.

Поворачивается к нему.

Он не знал, о чем думал Жилов. Если уж на то пошло, он не знал, думает ли Жилов вообще, а размышлять о мотивах Гаула времени не было. Возможно, он просто реагировал на внезапность нападения, на боль в разбитом глазу. Или, возможно, он отреагировал, чтобы ... нейтрализовать двух оставшихся подопечных, прежде чем они воспользуются его ослабленным положением, чтобы избежать неминуемой смерти, которую он представлял, если что-то подобное произойдет снова. А может, он реагировал на что-то совсем другое.

Это не имело значения. Захария увидел, что пульсер приближается, понял, что сейчас умрет, затем увидел, как оружие подпрыгнуло вверх, когда правая нога Гейл Вайс покинула палубу мощным ударом, который пришелся точно в руку Гаула.

Пульсер отправился в полет. Левая рука Жилова метнулась вперед, его кисть ударила Вайс по голове. Она упала - без сознания или мертвая, Захария не знал, - а потом он тоже начал

двигаться.

Жилов был дезориентирован, неуравновешен, полуслеп, и в то же время он боролся, чтобы вернуть равновесие, которое он потерял, и Захария знал, что если он это сделает, он и Вайс будут мертвы, как Хуарес. Не имело значения, что вызвало взрыв насилия. Важно было то, что инстинктивно или намеренно Жилов намеревался убить их всех.

Захария МакБрайд был ученым, а не опытным охранником, как его брат. Для Захарии "боевые искусства" были не более чем формой упражнений, никогда не тем, что он намеревался или ожидал на самом деле нуждаться. Но когда Жилов повернулся к нему спиной, он почувствовал, что движется вперед, в Гаула. Жилов поддерживал правую руку - очевидно, удар Вайс нанес ей значительный урон, - но левая рука была скошена внутрь, а кисть странно согнута. Клинок из органического ламината, внезапно появившийся из тыльной стороны его левой руки, выступал почти на восемь сантиметров за костяшки пальцев и тянулся к горлу Захарии.

Правая рука ученого взметнулась вертикально вверх, как меч, и ударила Жилова по внутренней стороне левого предплечья, блокируя удар клинка. И тут левая рука Захарии потянулась к здоровому глазу Гаула, а правое колено с силой ударило его в пах.

Гаул блокировал часть его силы, но не всю, и он рванулся вперед. Обе руки Захарии обхватили голову Жилова, и он дернулся вниз изо всех сил, когда его колено снова поднялось.

Он пытался ударить коленом в лицо Гаула, но промахнулся, когда Жилов бросился вперед, пытаясь сбить Захарию с ног.

К несчастью для Жилова, это означало, что колено Захарии попало ему прямо в горло.

Гаул упал, схватившись обеими руками за горло. Удар сбил Захарию с ног, и он отчаянно перекатился, услышав, как Жилов, кашляет, пытаясь дышать. Он очень сомневался, что смог нанести достаточно повреждений, чтобы раздавить гортань противника, а если он этого не сделал, если гораздо лучше обученный Гаул восстановил дыхание, то он встанет на ноги....

Рука Захарии опустилась на что-то угловатое. Она инстинктивно сжалась, и когда он врезался в переборку и перекатился на одно колено в трех метрах от противника, то обнаружил, что угловатое нечто было пульсером Жилова.

Его рука поднялась, когда Гаул встряхнулся и начал выпрямляться - все еще хрипя, все еще кашляя - только для того, чтобы замереть. Его окровавленное лицо ничего не выражало, но здоровый глаз внезапно расширился.

И тут палец Захарии МакБрайда на спусковом крючке напрягся, и четырехзарядная очередь превратила грудь Энтони Жилова в дымящийся красный туман.

<http://tl.rulate.ru/book/18880/388012>